

Изюминка.

Замполитом нашего дивизиона был подполковник Жадров Виссарион Николаевич. Его кабинет располагался прямо у нас в казарме и постепенно все его причуды и привычки стали нам известны. Фигура была колоритная, килограммов 120 весом, разговаривал трубным басом, с характерным вОлОгОдским акцентом. Особую радость всему дивизиону доставляли иногда проводившиеся с офицерами строевые занятия. Нас выгоняли с плаца на это время, но окна казармы выходили на него и вид пузатого Жадрова, пытавшегося изобразить строевой шаг и приемы доставлял всем курсантам минуты незабываемого счастья.

Дело в том, что замполит был из «пиджаков», окончил в свое время какой-то провинциальный институт культуры, стал «двухгадюшником», а потом остался в кадрах. Это прошлое наложило неизгладимый отпечаток на его строевую подтянутость. Галифе он почему-то не носил и в случае строевых занятий заправлял в сапоги обычные «прямые» брюки. В ходе шагистики они обычно «вылезали» из сапог и добавляли шарма к его комичным телодвижениям на плацу.

На кителе он гордо носил два «ромбика» о высшем образовании, и мы поначалу принимали его чуть ли не за «профэссора». Однако быстро выяснили, что один «ромбик» означал успешное окончание вышеупомянутого института культуры, а второй (с профилями К.Маркса и Ленина) свидетельствовал о том, что Виссарион осилил двухгодичный вечерний «университет марксизма-ленинизма». В армии этот ромбик называли «Школа двух дедушек».

Сначала мы именовали замполита «Неистовым Виссарионом» (в память Белинского), но этой кличке он соответствовал мало, т.к. обладал флегматичным темпераментом и целыми днями просиживал безвылазно в своем кабинете.

Новое имя Виссарион получил в ходе нашей первой зимней сессии.

Встречая прибывающую с экзамена группу, он каждый раз спрашивал замкомвзвода:

- «КакОй экзамен сдавали?»

- «Высшую математику» звучало в ответ.

- *МОлОдцы! Высиую математику сдать, это не фунт изюма съесть»,* - ненавязчиво шутил замполит. Экзамена было 2 (математика и электротехника), учебных групп в дивизионе – 12. После того, как все группы по 2 раза прослушали эту глубокую мысль, кличка «Изюминка» прилепилась намертво.

Обычно прибыв утром в кабинет, замполит в нем затворялся и спал сидя за столом до обеда. Потом, дверь открывалась и заспанный Изюминка через

пол-казармы со вкусом декламировал для стоящего на «тумбочке» курсанта:
«Дневальный!!! Принеси МНЕ хОрОшую сигарету!!!»

И такая задача повторялась им раза 2-3 за рабочее время. Поначалу ему действительно искали что-нибудь болгарское с фильтром, потом стали давать что попроще, типа «Примы» или «Беломора», а затем он заслуженно получил репутацию «стрелка», которых не жаловали и давать закурить ему вообще перестали, «У самих ничего нет, товарищ подполковник!». Окончательно его репутацию в этом вопросе подмочила история случившаяся с Вини.

«Стою я на тумбочке, - рассказывал Вини, - а тут высовывается из своей берлоги Изюминка с обычной задачей насчет «хОрОшей сигареты. Да нет у нас, отвечаю, сами стреляем». Ладно, закрылся, затих. Минут через 10 снова открывается дверь, он опять высовывается а в руке вот такусенький «хабарик!» Тут Вини демонстрировал, что в том хабарике было от силы 5 миллиметров. И говорит он мне: *« На! ВинниченкО! дОкури!!!»* (надо отметить, что «докуривать» за кем-то у нас было, вообще, не очень принято).

Вини отвечает: *«Да я не курю, товарищ подполковник»*

- *«Ну, тогда – выбрОси!!!»*

История стала «притчей во языцех» и акции Изюминки в общественном мнении сильно пошатнулись.

Как-то к нему приехал старый приятель и они, запершись в кабинете, тихо поддавали. Когда «дошли до кондиции», стали вспоминать минувшие годы, и Изюминка стал ностальгировать: *«А помнишь, в Пушкине служили?! Вообще ни хера не делали!!! А тут – бумаги! Бумаги!!!»* и начал подкидывать какой-то листок, завалившийся на столе среди закусок. Свидетель этой сцены Рома, (исполнявший обязанности писаря у Хиля и заодно и Изюминки и лично сочинявший все эти «Бумаги! Бумаги!») был очень обижен. «Да он в этих бумагах только расписывается!» бурчал Рома, вспоминая черную неблагодарность «Неистового Виссариона».

Однако у него была одна способность, компенсировавшая, в глазах начальства, все его недостатки. Он имел феноменальное чутье на спиртное и видел бутылки буквально сквозь все портфели и сумки в радиусе досягаемости своего взгляда. Об этом мы знали и обходили Изюминку в эти критические моменты десятой дорогой.

Наиболее громкий успех его на этом поприще случился на 3 курсе с поимкой многострадального Артуши.

Дело было так: на «Ленинский коммунистический субботник», который обставлялся в училище с подобающей тому времени помпезностью и серьезностью, нашу батарею почти в полном составе отправили на Кировский завод, где мы и наводили, в основном, порядок на территории.

Группа «подвальных деятелей», в которую затесался и Артуша была оставлена в казарме для ремонта стульев и прочих хозяйственных работ.

Почти все офицеры дивизиона уехали на Кировский с нами, и контроль за теми, кто остался проходить «Школу коммунизма» в казарме, был ослаблен.

Конечно же, возникла идея слегка отметить славный субботник и Артуша вызвался «слетать» в Горелово за вином. Народ скинулся и Артуша отправился в путь. На обратной дороге, сгибаясь под тяжестью огромного портфеля, в котором он нес без малого ящик «Агдама», курьер был замечен и мгновенно расшифрован узревшим его Изюминкой.

-«Что несешь, Хайзуллин?» - приветливо обратился к Артуше Изюминка.

-«*Пирожки...*» ляпнул первое, что пришло в голову Артуша, упавшим голосом.

-«Ну, открывай портфель, я тоже попробую»

В результате, к моменту нашего прибытия с Кировского завода «курьер» уже сидел на гауптвахте, а вино было хищно конфисковано торжествующим Изюминкой. «*Сам, сволочь, небось, все наше вино выпил*», с болью в голосе вспоминал потом эту ситуацию пострадавший.

Сцену допроса Артуши по этому «залету», опишем в главе, ему посвященной.

Надо сказать, что так же по вине Изюминки на гауптвахте, уж совсем безвинно, оказался тишайший и добрейший «кадет» Миша Семикозлов. Это было на самом закате карьеры Виссариона Николаича и от этого вдвойне обидно для Семикозлова, который не мог забыть такой пакости от замполита до конца учебы.

Взвод был в наряде по кухне, а учитывая, что мы уже были третьекурсниками, отношение к службе у всех было уже слегка расслабленное.

В столовой имелось 2 посудомойки: нижняя, где мыли посуду после приема пищи одним дивизионом (350 едоков), там работало 2 мойщика и верхняя посудомойка, где приходилось мыть посуду за 3 дивизионами (более 1000 столующихся), а значит – соответствующее количество тарелок, мисок, кружек, ложек, вилок, а также бачков, чайников и прочей утвари. Делать это полагалось в 3-х огромных чанах с горячей водой, мылом и т.д. Работало там 5 «мойщиков» из состава наряда и без дела никто не скучал, а по окончании мойки все были мокрые буквально с головы до ног. За это и за обилие воды верхняя мойка носила наименование «*Балтика*» и заслуженно считалась одним из самых тяжелых нарядов. Изюминка, разумеется, не имел об этом ни малейшего представления.

В ходе несения службы, Ефрейтор Юрьев заспорил о чем-то с дежурившим по столовой прапором, дело быстро дошло до взаимных нелюбимых личных характеристик, после обмена которыми прапор почувствовал, что его начнут бить и бегом покинул «дискуссионную площадку». Ефрейтор осуществил энергичное преследование и дважды метал вдогон улепетывающему прапору швабру, но не попал, о чем потом искренне сожалел.

Прапор, бежав с поля брани, доложил об инциденте дежурному по училищу и для умирения наряда в столовую был срочно вызван Изюминка. На свою беду, первым кто попался на глаза прибывшего в столовую с карательной

экспедицией Изюминки, был Миша Семикозлов. Он только что закончил мыть гору посуды, был мокрый и усталый. Миша понятия не имел ни о каком скандале, мирно курил, предвкушая душ и последующий отдых.

- «*Товарищ курсант, Вы откуда?*» - грозно спросил у него Изюминка.

- «*Балтика!*» - с чувством выполненного долга отвечивал Миша, дивясь явлению Изюминки на кухню, который на ней никогда ранее замечен не был. Замполит слабовато знал в лицо своих курсантов, но был уверен, что такой фамилии в дивизионе нет.

- «*Вы Откуда, тОварищ курсант?!*» еще более грозно спросил он у Семикозлова.

- «*Балтика!!!*» - рявкнул изо всех сил Миша, решив, что Изюминка стал глуховат к своему «дембелю».

- «*Как стОишь перед зам. пО пОлитчасти?! Хам!!!*» - заревел Изюминка не своим голосом, «*ТрОе сунОк Ореста!!!*» - и прямо из кухни несчастный Миша был направлен в камеру гауптвахты.

Самое смешное в этой истории, что арестовав безвинного Семикозлова, Изюминка напрочь забыл об инциденте с метанием Ефрейтором Юрьевым швабры в прапора и убил в казарму с чувством выполненного долга.

Другим неожиданно пострадавшим от инициатив Изюминки стал наш Андрюша Коновалов. На третьем курсе нам предстояло совершить марш – бросок на 12 километров в составе дивизиона. Само по себе мероприятие было малоприятным: бежать такую дистанцию в сапогах, с карабином СКС, (весом в 4 с лишним килограммов), с противогазом и подсумком никому не доставляло особого удовольствия. Но надо – так надо.

Когда мы построились на плацу для последней проверки перед стартом, из казармы вдруг вышел Изюминка. Он собственноручно тащил лист фанеры размером метр на полтора, к которому была привязана «волосатая» верёвка так, чтобы его можно было надеть через плечо.

«*ЭтО – пОхОдная ленинская кОмната!*» - сообщил он потрясенному строю, после чего вручил фанеру Хилю, заявив, что её надо взять с собой на марш-бросок. Видимо, подразумевалось, что в перерывах марш-броска мы будем выпускать «боевые листки» и вывешивать на этой фанере.

Хиль приказал нести этот дар Изюминки Андрюше Коновалову.

Хуже всех на этом марш-броске досталось бедному Андрюше.

Изюминковская фанера била его по спине и заду все 12 километров марша. От постоянного трения фанерой и верёвкой на бегу появились дыры в его противогазовой сумке и гимнастёрке. Чтобы не колотить этой фанерой товарищей, ему пришлось бежать сзади строя, и «походная ленинская комната» Изюминки развевалась за ним на бегу, как бурка за Чапаевым, в ходе знаменитой атаки на беляков.

Когда мы вернулись на плац, первое что сделал Андрюша – закинул в канаву чёртову «походную ленкомнату». Изюминка был очень недоволен этим и что-то сердито выговаривал Хилю.

Рассказ об Изюминке будет неполным без еще одной легендарной истории. В 21 –й группе нашей батареи было 2 друга. Юра Солопов и Вова Мыльник. Солопенек имел рост 155 см, субтильное телосложение, а, кроме того обладал удивительным дефектом речи: вместо «Л» у него получалось «Р» и наоборот, сверх этого он не выговаривал свистящих, шипящих звуков и добрую половину букв русского алфавита. Свою фамилию он произносил: «СоРопов», а вместо «Товарищ полковник» у него всегда выходило «ТоваЛищ поРковник». Все его так и звали «ПоРковник». Мельник имел 190 см роста, гренадерскую выправку и ничем не выделялся, кроме прилепившейся к нему клички «Глист». ПоРковник и Глист дружили, а со стороны порой было забавно видеть новоявленных Пата и Паташёна. В один прекрасный день оба друга угодили в наряд дневальными... Прибыв в казарму к обеду, мы обнаружили, что весь наряд был снят с дежурства. Вышло вот что:

Утром, после убытия батареи на занятие, дежурный сержант встал на «тумбочку», а друзья отправились убирать умывальники и туалеты обеих взводов. Надо сказать, что они располагались в противоположных сторонах казармы. «Солопёнок» первым закончил «водные процедуры» и вышел на улицу покурить и отдышаться. Глист, справившись с уборкой своего санузла, и увидев, что дежурный все еще на тумбочке, отправился в дальний сортир навестить друга, который, по его мнению, все еще валандался с уборкой. Войдя в сортир, он обнаружил, что одна кабинка занята и решил подшутить над приятелем.

- «Сидишь, ПоРковник?!» - заорал он стукнув по закрытой дверце ногой.

- «Сижусь» - угрюмо ответил, действительно сидевший над очком в позе горного орла Изюминка, решивший, что попозже надо будет сделать «втык» Глисту за столь фамильярное обращение к нему.

-« Ну, сиди!!!» - ухмыльнулся Глист и закрыл дверцу кабинки **снаружи**.

Важно отметить, что защелка была приделана на совесть, а достать до нее с внутренней стороны «через верх», было невозможно.

Глист с чувством выполненного долга отправился менять дежурного на «тумбочку» и радостно слушал доносившиеся из дальнего туалета невнятные вопли и проклятия, предвкушая, как он посмеется, когда освободит друга из сортирного заточения...

Первым он увидел Солопенку, вернувшегося с улицы после перекура...

- «Кого же я запер?!», в ужасе успел подумать Глист, и в этот момент взбешенный Изюминка выбил, наконец, сортирную дверку и вынесся на оперативный простор казармы, оглашая помещения разъяренным воем и пылая жаждой мести...

Самое трудное для Глиста потом, было доказать Изюминке, что обращение «Сидишь поРковник?», относилось не к нему, а к Солопёнку. Изюминка так в это не поверил. «Не бывает таких кличек!!!» - разорвался он на глистовский «жалкий лепет оправдания».

Уже после отсидки «на губе», Глиста долго вызывали на допросы в кабинет Изюминки. *«Политику мне шьёт»* - мрачно отвечал Глист на расспросы друзей.

В итоге, все для него обошлось, а его «подвиг» вошел в золотой фонд баек нашего дивизиона.